

ГЛАВА 1

Милейший мистер Пайк

— Значит, вы стояли на пороге своего заведения?

— Да, мой комиссар.

Мегрэ несколько раз пытался его поправить, настаивая на обращении «господин комиссар», но безрезультатно. В конце концов, это было неважно.

— И перед вами остановилась большая серая машина, из которой поспешно выскочил какой-то месье. Правильно?

— Да, мой комиссар.

— Направляясь внутрь, он прошел совсем рядом и даже слегка вас задел. К тому же над дверью горит вывеска.

— Она фиолетовая, мой комиссар.

— Это вы к чему?

— Просто уточнил.

— Иными словами, из-за того что вывеска фиолетовая, вы не смогли разглядеть человека, который секунду спустя отодвинул бархатную портьеру и разрядил целую пистолетную обойму в вашего бармена?

Хозяина звали Караччи или Караччини (Мегрэ приходилось всякий раз сверяться с бумагами). Он был маленького роста, на высоких каблуках, с внешностью корсиканца (они все немного смахивают на Наполеона), и на его пальце красовался огромный желтый бриллиант.

Это тянулось с восьми утра, а сейчас часы пробили одиннадцать. Если быть точнее, все началось еще в полночь, поскольку люди, задержанные в баре на улице Фонтен, где убили бармена, провели ночь в камере предварительного заключения. Четыре инспектора, среди которых были Жанвье и Торранс, уже допрашивали Караччи или Караччини, но ничего от него не добились.

Стоял май, но несколько дней подряд лил дождь, как глубокой осенью, и крыши домов, карнизы, зонты блестели, словно вода в Сене, которую комиссар видел, когда смотрел вниз.

Мистер Пайк неподвижно сидел на стуле в углу, будто в зале ожидания, и это начинало раздражать. Его взгляд медленно перемещался с комиссара на маленького мужчину, затем обратно на комиссара, и было невозможно понять, что происходит в голове этого английского чиновника.

— Вам известно, Караччи, что упрямство может выйти вам боком? Нам ничего не стоит прикрыть вашу лавочку.

На корсиканца это не произвело никакого впечатления: он смотрел на Мегрэ с пониманием и улыбался, поглаживая пальцем с перстнем подкрученные кончики усов.

— Я всегда был законопослушным гражданином, мой комиссар. Можете спросить вашего коллегу Приолле.

Несмотря на наличие трупа, этим делом действительно должен был заниматься комиссар Приолле, начальник бригады по охране нравственности, поскольку убийство произошло на введенной ему территории. К несчастью, Приолле уехал на восток Франции, на похороны какого-то родственника.

— Значит, вы отказываетесь говорить?

— Не отказываюсь, мой комиссар.

Хмурый Мегрэ тяжелой поступью подошел к двери.

— Люка! Поработай с ним еще немного.

О! Каким взглядом смерил его мистер Пайк! Вполне вероятно, что этот англичанин был самым симпатичным человеком на земле, но временами Мегрэ испытывал к нему ненависть. Точно так же было с его свяком Мутоном. Раз в год, весной, Мутон вместе с женой, которая приходилась сестрой мадам Мегрэ, приезжал на Восточный вокзал.

Он тоже был самым приятным парнем на свете, который никогда никому не причинил зла. Что касается его жены, то она была прямо-таки воплощением жизнерадостности и, не успев переступить порог квартиры на бульваре Ришар-Ленуар, тут же требовала дать ей фартук и начинала помогать по хозяйству.

В первый день все шло замечательно. На следующий день — почти так же.

— Завтра мы уезжаем, — говорил Мутон.

— Нет-нет! — возразила мадам Мегрэ. — Почему так скоро?

Вы же только приехали!

— Не хотим вас стеснять.

— Вы нас никогда не стесняете!

Мегрэ с предельной убежденностью добавлял:

— Никогда!

На третий день он начинал мечтать о непредвиденной работе, которая позволила бы ему не ужинать дома. Но, как назло, с тех пор как сестра его жены вышла замуж за Мутона и эта чета принялась исправно навещать их каждый год, ни разу за все время их пребывания на него не свалилось срочных дел, которые днями и ночами вынуждали его находиться вдали от дома.

На пятый день Мегрэ с женой уже обменивались удрученными взглядами, а супруги Мутон гостили у них целых девять, неизменно любезные, милые, предупредительные, деликатные до такой степени, что хозяйева испытывали еще большие угрызения совести за свою ненависть к ним.

То же самое было и с мистером Пайком, несмотря на то что он следовал за Мегрэ по пятам всего три дня. Однажды во время отпуска чете Мутон сказали между делом:

— Почему бы вам не приехать на недельку в Париж, допустим весной? У нас есть гостевая комната, которая вечно пустует.

И они приехали.

Точно так же несколько недель назад префект полиции отправился с официальным визитом к лорд-мэру Лондона. Тот провел гостя по кабинетам знаменитого Скотленд-Ярда, и префект был приятно удивлен, увидев, что высшие чины английской полиции наслышаны о Мегрэ и интересуются его методами расследования.

— Почему бы вам не приехать и не понаблюдать за его работой лично? — любезно предложил префект.

Его поймали на слове. Как и в истории с супругами Мутон. Вскоре из Лондона прибыл инспектор Пайк, который вот уже

три дня неотступно следовал за Мегрэ, ни во что не вмешиваясь и стараясь быть как можно незаметнее. И все же комиссар постоянно чувствовал его присутствие.

Несмотря на то, что английскому полицейскому было лет тридцать пять или сорок, он выглядел так молодо, что больше напоминал усердного студента. Он наверняка был умен, возможно, даже незаурядно умен. Он смотрел, слушал, размышлял. Мегрэ порой чудилось, будто он слышит его напряженные размышления, и это становилось утомительным.

Комиссар чувствовал себя как под микроскопом: ему казалось, что все его жесты и слова подвергаются тщательному анализу в голове невозмутимого мистера Пайка.

А ведь в эти три дня не происходило ничего интересного. Обычная рутина. Бумажная работа. Самые заурядные допросы, как с этим Караччи.

Они с Пайком научились понимать друг друга без слов. Например, когда хозяина ночного бара увели в кабинет инспекторов, тщательно закрыв за ним дверь, в глазах англичанина читался недвусмысленный вопрос: «Его будут бить?»

Вполне возможно. С такими типами, как Караччи, не принято церемониться. И что с того? Все это было неважно. Дело не представляло никакого интереса. Скорее всего, бармена убили из-за того, что он был нечист на руку или принадлежал к курирующей группировке.

Эти парни периодически устраивают разборки, убивая друг друга, и, в сущности, обществу от этого только польза.

Караччи может молчать сколько угодно, рано или поздно правда все равно всплывет, вероятно, через какого-нибудь полицейского осведомителя. Интересно, в Англии есть осведомители?

— Алло!.. Да... Это я... Кто спрашивает?.. Леша?.. Не знаю такого... Откуда, говорите, он звонит?.. Из Поркероля?.. Соедините...

Взгляд англичанина по-прежнему был прикован к нему, словно недремлющее око Господне к Каину.

— Алло!.. Очень плохо слышно... Леша?.. Да... Хорошо... Это я понял... Поркероль... Это тоже понятно...

Прижав трубку к уху, он смотрел на стекающие по оконному стеклу струйки дождя и думал о том, что на Поркероле, маленьком средиземноморском острове неподалеку от Йера и Тулона, сейчас, должно быть, светит солнце. Комиссар никогда там не был, но ему часто рассказывали об этом месте. Люди возвращались оттуда загорелые, как негры. Кстати, ему впервые звонили с острова, и он подумал, что телефонный кабель, наверное, проложен под морем.

— Да... Что?.. Невысокий блондин, в Люсоне... Действительно, что-то припоминаю...

Он познакомился с инспектором Леша, когда в результате конфликта с новым начальством был переведен на несколько месяцев в Люсон, что в департаменте Вандея.

— Теперь вы работаете в мобильной бригаде Драгиньяна, замечательно... И звоните мне из Поркероля...

В трубке затрещало. Время от времени Мегрэ слышал, как телефонистки из разных городов перекликаются друг с другом.

— Алло! Париж... Париж... Алло! Париж...

— Алло! Тулон... Тулон, ответьте...

Интересно, по другую сторону Ла-Манша телефоны работают лучше? Мистер Пайк смотрел на него с невозмутимым видом, а Мегрэ вертел в руке карандаш.

— Алло!.. Знаю ли я некого Марселлена?.. Какого Марселлена?.. Что?.. Рыбака?.. Выражайтесь яснее, Леша... Не могу взять в толк, о чем вы говорите... Этот тип живет в лодке... Так... И что?.. Он утверждает, что он мой друг?.. Что?.. Утверждал?.. Сейчас он мертв?.. Его убили прошлой ночью?.. Меня это не касается, дружище... Это не мой округ... Он говорил обо мне весь вечер?.. И вы считаете, что именно из-за этого он умер?..

Мегрэ положил карандаш и свободной рукой попытался раскурить трубку.

— Я записываю, да... Марсель... Уже не Марселлен... Как пожелаете... «П» как «Поль»... «А» как «Артур»... «К» как «Клеман»... Пако... Вы отправили отпечатки пальцев?.. Письмо от меня?.. Вы уверены?.. На бланке какого кафе?.. «Брассери де Терн»?.. Вполне возможно... И что я написал?..